

Садовый калейдоскоп

Светлана Борисенко

САДОВЫЙ КАЛЕЙДОСКОП
(о доброте, вещах, котах,
хозяевах и многом другом)

«Автор»

2026

Борисенко С.

САДОВЫЙ КАЛЕЙДОСКОП (о доброте, вещах, котах, хозяевах и многом другом) / С. Борисенко — «Автор», 2026

Садовый калейдоскоп: Хроники одушевленного домаХудожница Анна и инженер Максим лелеют свой покой в старой усадьбе провинциального города. Анна верит, что к вещам надо относиться с добротой и вещи — от старой лейки до солнечного лучика — отвечают ей взаимностью.В этом доме живет отважный Шланг, Лейка и прекрасный кот Амвросий. Обиженная Ржавая Тяпка жаждет мести, а Секатор дисциплины.Находчивый кот следит за порядком, и за хорошую службу получает миску сливок. Мечтает воспитать хозяев и получить неограниченный доступ к лакомствам.Но за прекрасной внешней картиной зреет заговор.Садовый калейдоскоп — это приглашение в мир обитателей сада и старой усадьбы. Повествование о том, как милосердие умиряет бунт садовых инструментов, так как дом — это не стены из кирпича, а таинство любви к тем, кто делит с нами кров.Эта книга первая часть из трилогии.Продолжение и финал ждут во второй и третьей книгах.

© Борисенко С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12

Светлана Борисенко

САДОВЫЙ КАЛЕЙДОСКОП (о доброте, вещах, котах, хозяевах и многом другом)

Глава 1

КНИГА первая
ЧАСТЬ 1

САДОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ.

Самая сказочная часть, идеально подходящая для начала знакомства с героями, с их миром и первые подвиги.

ПРОЛОГ

Гость из Восточной империи

Глава повествующей о прошлом позволяющий придать сюжету глубину старинного гравюрного полотна. Пролог, в котором описывается прибытие диковинного гостя из восточной империи и то, как Анна обрела верного, хотя и крайне запутанного союзника.

За три года до описываемых событий, когда Максим еще только обживал свой старый дом, на имя его супруги Анны прибыла из порта огромная посылка, перетянутая промасленными канатами. На посылке красовались экзотические иероглифы и штемпель «Йокогама». Когда с посылки сняли многочисленные слои бумаги, открыли ее, то внутри, свёрнутый в тугие блестящие кольца, лежал японский шланг из особого крепкого каучука. Звали его Датэ Мидзу.

В России таких тогда и в глаза не видели!

— Батюшки мои! — всплеснула руками Анна, поправляя очки. — Это что же за Змей Горыныч такой под нашей крышей поселился?

Датэ прибыл в Россию с письмом от старого знакомого Максима, который служил при консульстве. Шланг этот обладал характером настоящего самурая. Он был крепок, гибок и умел невероятно запутываться. Стоило Анне отвернуться на миг, как Датэ уже завязывал себя в самый сложный «узел кобры» или в другие хитрые узлы. Иногда он тихонько свистел, словно погружался в восточную медитацию.

Поначалу он казался чужаком в этом уютном саду. Кот Амвросий, тогда еще молодой и дерзкий, испуганно сидел на яблоне. Он смотрел на заморского гостя с подозрением: «Уж не червяк ли это великанский приполз по мою рыжую душу?»

Любимица хозяйки, зелёная Лейка, и вовсе сперва оробела. Она сразу увидела в Датэ опасного конкурента по части водоснабжения.

Однако вскоре случился пожар! В старой оранжерее его случайно устроил заигравшийся солнечный Лучик. Анна увидела пламя, когда оно уже вовсю лизало сухие деревянные рамы. Она отчаянно подхватила лейку, но тут же поняла: сил одной жестяной подружки точно не хватит.

Огонь разгорался! В этот миг Датэ, мирно спавший в узлах под крыльцом, показал свою истинную силу.

За мгновение он распутался. Это было зрелище достойное театра. Одним точным броском он вытянулся струной и пустил мощный поток воды в самое сердце огня.

— Хай! — победно выдохнул самурай, когда пламя с шипением погасло. Датэ мирно свернулся кольцами, но вдруг из глубины розария донесся странный, зловеющий скрежет — в саду затаился кто-то еще.

С того дня Датэ стал необходим. Он признал верховенство Анны, подружился с Лейкой, став её тяжёлой артиллерией и даже заслужил уважения Амвросия, когда позволил коту отдыхать внутри своих прохладных колец в особо жаркие полдни.

— Извольте видеть, Максим — говорила Анна, любовно протирая Датэ, от пыли всякая вещь сколь бы путаная и чужая она не казалась поначалу, находит свое место и спасает ближних, не требуя наград.

ГЛАВА 1

Глава первая, в которой тихая радость лета омрачается таинственным происшествием, а художница Анна проявляет неуместную проницательность.

Июль в Угорске выдался до того знойным, что воздух над Цветочной поляной за домом дрожал и плавился, точно густое прозрачное варенье. Цветы — существа к переменам климата чувствительные — совсем занемогли. Ромашки, еще вчера кокетливо выставлявшие белые реснички, нынче стыдливо свернулись.

Синие колокольчики понурили головы, как провинившиеся ученики.

— Ах, что же это такое, — шептала Анна, поправляя на носу сползающие очки.

— Посмотри-ка, Максим, совсем засыхают бедняжки! Это не просто засуха, это какая-то природная несправедливость.

Максим, сидевший в тени старой яблони с томиком любимой книги, лишь лениво вздохнул:

— Дождя бы...

Но Анна знала: на небо надейся, а к садовому крану поспешай.

В углу сада обитала её верная союзница — зеленая Лейка. Вещь с виду простая, но для Анны — настоящий добрый дух поляны. Лейка была самая обыкновенная: жестяная, с чуть облупившейся по бокам эмалью.

Но хозяйка искренне считала её живым существом. Приподняв длинную юбку, Анна поспешила к крану. Она крутанула старый вентиль. Тот нутужно взвыл, сопротивляясь, но поддался. Раздался бодрый металлический лязг. Через минуту Лейка полная до самых краев тяжёлой серебрящейся воды, уже была в руках Анны. Она стремительно побежала к увядающим друзьям. Воздух пах раскаленной пылью и горькой полынью, у увядающих роз даже лепестки хрустели, точно сухой пергамент.

— Не бойтесь, милые, я здесь, — шептала Анна. И ей казалось, что верная Лейка вторит ей ласковым сопением.

«Тр-р-р-р!» — рассыпался над цветами серебристый дождь. Вода сверкала, превращаясь в крошечные алмазы. Ромашки расправляли лепестки, а колокольчики зазвенели (пусть этот звон был слышен только чуткому уху Анны).

Отовсюду, точно по сигналу невидимого дирижёра, слетались бабочки. Они кружились вокруг зеленой Лейки живым пёстрым нимбом, благодаря свою спасительницу.

Это было настоящее торжество жизни над увяданием. Вода преломлялась в лучах полуденного солнца, превращаясь в драгоценную россыпь. Ромашки умывались и расправляли листочки, а бабочки порхали всё радостнее.

Даже белые облака, эти пушистые свидетели земной суеты, замерли в вышине, округляясь от удовольствия. Они смотрели вниз на сияющую поляну, и, право слово, в этот миг казалось: нет в мире службы важнее, чем вовремя поднести глоток воды тому, кто жаждет.

— Вот видишь, Максим, - проговорила Анна, вытирая пот со лба и с любовью водружая пустую лейку на ее законное место. — Самая большая радость — это когда те, кого ты любишь, светятся от счастья.

Она случайно бросила взгляд на землю у корней розария. Там темнела разрытая земля — кто-то методично подкапывал куст снизу.

Максим закрыл книгу, лукаво взглянул на свою любимую жену и пробурчал:

— В этом-то и есть главная тайна. Но боюсь, не каждый может ее увидеть потому, что она слишком прозрачна.

Глава 2

ГЛАВА 2

Новая глава нашего повествования требует введения нового элемента- мистического и неуловимого. Появление «солнечного зайчика», которое помогает следствию (то есть поливу). В этой главе у Анны появляется неуловимый помощник, а законы физики вступают в союз с законами милосердия.

Утро следующего дня началось происшествие со совершенно необычайного, а для человека суеверного- и вовсе пугающего. Дом художницы Анны и инженера Максима, укрытый в тени вековых лип, обладал той душой, которая открывается лишь тем, кто умеет слушать шёпот вещей и негромкое мурлыканье судьбы.

Анна, обладавшая редким даром видеть в обыденном чудесное, вскоре заметила: на эмалированном боку Лейки поселился субъект крайне легкомысленного и лучезарного нрава. Едва только хозяйка, шурясь от раннего солнца, подошла к своей любимице, как на боку последней вспыхнул ослепительный, неземной огонь. Анна даже подпрыгнула от неожиданности, сердце на мгновение замерло, но, присмотревшись, она лишь всплеснула руками. То был не пожар, а Лучик — солнечный зайчик такого неистового характера, какой встречается только в чистом летнем воздухе.

— Ишь ты, какой проказник, — прошептала Анна. Она с улыбкой наблюдала, как золотистое пятно совершает немыслимые прыжки, перелетая с ручки Лейки прямо на нос самой художницы.

Лучик, впрочем, оказался вовсе не праздным гулякой.

В садовом ведомстве Анны он немедленно занял важную должность агента по особым поручениям или, выражаясь простым языком, — разведчика. Пока Анна наполняла Лейку у крана, Лучик уже всю исследовал местность вокруг. Он стремительно неся по поляне, заглядывая под самые пыльные лопухи, и вдруг замирал, точно указывая на цель.

— Посмотри-ка, Лейка! — казалось, кричало его безмолвное сияние на лепестках старой розы, чьи бордовые одежды совсем поблекли от зноя. Здесь земля растрескалась, точно старый пергамент!

— Сюда, скорее!

И Лейка, ведомая этим блестящим следом, спешила на помощь. Но самое поразительное происходило в момент полива. Едва только струи воды, разбиваясь о сеточку носика, пускались в свой полет, Лучик, проявляя отчаянную храбрость, бросался в самую гущу водяной взвеси.

Происходила мгновенная метаморфоза! Каждая капля, поймав в себя частицу этого золотого проказника, превращалась в крошечную радугу.

Поляна в один миг преображалась в сказочную страну, над которой переливались сотни разноцветных радуг. Бабочки, эти легкокрылые обитательницы усадьбы, совершенно теряли голову от восторга. Они пускались в догонялки с Лучиком, пытаясь накрыть его крыльями.

Но тот, совершив лукавый прыжок, неизменно оказывался на самом кончике носа зеленой Лейки, победно поблёскивая оттуда. Так и сложился этот причудливый тандем- один согревал и высматривал страждущих, а другая дарила спасение.

—Посмотри, Максим, - заметила Анна, наблюдая за этими играми из света и воды. — Поодиночке-они просто свет и просто вещь, а вместе- инструмент исполнения. Максим, потирая подбородок, согласно кивнул.

—В добром деле, Аня, даже солнечный блик служит по уставу.

Глава 3

ГЛАВА 3

Глава, в которой обнаруживается пропажа в фарфоровом сервизе, а наша Анна применяет метод «водного дознания».

Максим, только что приготовившийся вкусить чаю с липовым цветом, вдруг замер с серебряной ложечкой в руке. На белоснежной скатерти, между пузатым самоваром и блюдом с ватрушками, зияло пустое место. Исчезла любимая сахарница — фамильный фарфор с золотыми амурами по бокам! — Неужто в моём-то доме завелись воры? — удивленно вскинул брови Максим. Анна, только что закончившая осмотр сада с Зеленой Лейкой в руках, нахмурилась. Она знала: случайный воришка точно не прошёл бы мимо кота Амвросия. Однако рыжий страж, изволивший в этот миг точить когти о ножку стола, выглядел подозрительно безучастным. — Дорогая моя Лейка, — обратилась Анна к жестяной подруге, — чует моё сердце, дело тут не в корысти, а в старых обидах. Художница заметила на скатерти чёткий ржавый след. Точь-в-точь такой, какой могла оставить подошва их давней знакомой — Ржавой Тяпки.

Анна подняла глаза к потолку веранды: широкое верхнее окно было распахнуто, а на подоконнике сиротливо лежали два сорочьих пера и несколько обломков сухих веток. Коварные Сороки выкрали Тяпку из сарая и через окно протащили в дом, надеясь устроить очередную диверсию руками бездушного железа. — Неужто злодейка вернулась, чтобы совершить акт мелкой и пакостной мести? Ищи, Лучик! — скомандовала Анна.

— Неужто злодейка сбежала из заточения, чтобы совершить акт мелкой и пакостной мести? Ищи, Лучик! — скомандовала Анна. Солнечный зайчик сорвался с носика Лейки и принялся неистово метаться по веранде. Внезапно он замер, указывая золотым перстом под старый диван. Оттуда доносилось отчётливое, злобное поскрипывание. — Выходите, сударыня, — строго проговорила Анна. — Следствие ведет влага!

Она наклонила Зеленую Лейку. Тонкая струйка воды, ведомая Лучиком, юркнула в темноту под диваном. Раздалось шипение, возня, и на свет божий выбралась Тяпка, тяжело волоча за собой фарфор. Злодейка, накрученная птичьими сплетнями, надеялась спрятать сладость, чтобы омрачить Максиму солнечный день. Амвросий, увидев непорядок, наконец соизволил вмешаться. Он издал короткое, властное «Мяу» и придавил черенок Тяпки тяжелой рыжей лапой, а Лучик вспыхнул так ярко, что амуры на сахарнице, казалось, зажмурились. Кот бдитительно зашипел в сторону открытого окна веранды, словно предупреждая невидимых крылатых воришек: «Моих двуногих я в обиду не дам!».

— Вот и всё, — Анна ловко подхватила фарфор. Сахар спасен, Тяпка посрамлена, а Амвросий получит лакомство за свою запоздалую бдительность! Максим вздохнул с облегчением, накладывая в чай два куска сахара.

— Замечательно, — пробасил он, — Оказывается даже в самом мирном саду присмотр необходим, дабы сахар не горчил от ржавчины.

Но радовались хозяева рано: в эту самую минуту в сарае кто-то грозно и холодно щелкнул стальными челюстями.

Всякая интрига обречена на фиаско, едва на сцену выходит зоркое око истинного следствия. Мелкое домашнее коварство не способно омрачить сладость бытия, покуда на страже покоя стоят преданные друзья и один проницательный солнечный луч.

Чай был выпит, Тяпка возвращена под усиленный надзор Паука, а Зеленая Лейка с Лучиком еще долго сидели на веранде слушая как шумит за рекой лес из старых деревьев и высокие

тополя иногда скрежетали, цепляясь друг за друга своими большими вершинами. Тайна была раскрыта, а гармония — это ведь и есть самая главная улика в деле о Счастье.

Глава 4

ГЛАВА 4

Ничто так не оскорбляет эстетическое чувство офицера, как вольнодумство садовых роз, растущих без должного равнения по шнуру. Секатор фон Чик заходит слишком далеко.

Утро началось с вопля возмущения, донесшегося из розария. Максим стоял перед любимым кустом «Глория Дей» и в ужасе взирает на результат ночного разбоя. Цветы были не просто срезаны. Их отсекали с безжалостной, леденящей точностью.

— Это вандализм! — гремел Максим. — Кто посмел?! Анна подошла к кусту, присела и поправила очки. На земле в идеальном геометрическом порядке лежали обрезки стеблей. — Взгляни, Максим, — тихо сказала она. — Срез под углом ровно в сорок пять градусов. Никаких зазубрин. Работает профессионал, причем с тяжелым, суровым характером.

— Извольте видеть и это... — мрачно пробасил Максим, указывая на безжалостно обстриженную сирень.

— Это не работа садовода. Это почерк инструмента, лишенного всякого воображения, — вздохнула Анна. А рядом, прямо на истоптанной земле, красовались четкие, глубокие следы сорочьих лап. Коварные птицы-шпионы всё лето кружили над верстаком, нашептывая старому Секатору, будто в усадьбе воцарилась опасная анархия, цветы бунтуют против порядка, а люди окончательно забыли строевой устав. Птицы умело сыграли на его офицерской гордости. Она поправила очки и заметила на земле крошечную стальную щепку. — Так и есть! Снова Секатор фон Чик взялся за старое. Придется Датэ Мидзу приготовить особый узел для усмирения гордецов. Она обернулась к Амвросию, который лениво умывался неподалеку, и спросила:

— Друг мой, вы ведь наверняка не спали ночью? Кот коротко мяукнул и указал хвостом в сторону старого верстака. Там, в тени, затаился Секатор фон Чик. Старый офицер грозно блеснул стальными лезвиями. Оправдываться он явно не собирался.

— Порядок! — резко лязгнул он. — В этом саду слишком много легкомыслия! Цветы обязаны расти строго по линейке! Анна нахмурилась:

— Самоуправство, господин фон Чик, в нашем доме не поощряется. Вы лишили Максима радости, а это преступление против гармонии. Японский шланг Датэ Мидзу, предвкушая схватку, мгновенно развернулся кольцами. Но Анна остановила его решительным жестом:

— Нет, Датэ. Тут нужен не просто напор, а настоящая дисциплина.

— Дисциплина — это по моей части! — победно защелкал Секатор фон Чик. — Вода против стали бессильна!

Розы розария отстаивали свое право на вольное цветение, ибо гармония вселенной зиждется на свободе и любви, а вовсе не на бездушной геометрии. Красота, извольте видеть, не терпит насилия и увядает там, где её пытаются мерить линейкой.

Анна взяла секатор и поднесла его к Лейке,

— Глядите фон Чик, Лейка поит каждый лепесток, не спрашивая его устава, Лучик греет каждого, не требуя строевого шага, а вы решили, что ваша сталь закон.

Она заперла секатор в футляр из жесткой кожи.

— Вы будете находиться под арестом, пока не осознаете, что красота выше параграфа, а порядок, это когда все счастливы, а не когда все одинаково подстрижены.

Фон Чик обиженно скрипнул внутри футляра, но она знала, к вечеру, когда Лучик заглянет в его замочную скважину, сердце старого вояки начнет оттаивать.